

Сказка Г.Х. Андерсена " Дикie лебеди "

Далеко–далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. Было у него одиннадцать сыновей и одна дочь, Элиза. Одиннадцать братьев–prinцев ходили в школу со звездами на груди и саблями у ноги. Писали они на золотых досках алмазными грифелями и наизусть умели читать не хуже, чем по книжке. Сразу было видно, что они настоящие принцы. А их сестрица Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было отдано полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго. Отец их, король той страны, женился на злой королеве, и она с самого начала невзлюбила бедных детей. Они испытали это в первый же день. Во дворце шел пир, и дети затеяли игру в гости. Но вместо пирожных и печеных яблок, которые они всегда получали вдоволь, мачеха дала им чайную чашку речного песка – пусть представят себе, что это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу в деревню крестьянам на воспитание, а прошло еще немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

– Летите на все четыре стороны и заботьтесь о себе сами! – сказала злая королева. – Летите большими птицами без голоса!

Но не случилось так, как она хотела: они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо дома, где спала еще крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись кружить над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто их не слышал, не видел. Так и пришлось им улететь ни с чем. Взвились они под самые облака и полетели в большой темный лес у берега моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянском доме и играла зеленым листком – других игрушек у нее не было. Она проткнула в листке дырочку, смотрела сквозь нее на солнце, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братцев. А когда теплый луч солнца падал ей на щеку, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Порой ветер колыхал розовые кусты, росшие возле дома, и нашептывал розам:

– Есть ли кто красивее вас?

Розы качали головками и отвечали:

– Элиза.

И это была сущая правда.

Но вот минуло Элизе пятнадцать лет, и ее отослали домой. Увидала королева, какая она хорошенькая, разгневалась и еще больше возненавидела ее, И хотелось бы мачехе превратить Элизу в дикого лебедя, жак ее братьев, да не посмела она сделать это сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот с утра пораньше пошла королева в мраморную купальню, убранную мягкими подушками и чудесными коврами, взяла трех жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

– Как войдет Элиза в купальню, сядь ей на голову, пусть она станет такой же ленивой, как ты. А ты сядь Элизе на лоб, – сказала она другой. – Пусть она станет такой же безобразной, как ты, чтобы и отец ее не узнал. – Ну а ты ляг Элизе на сердце, – сказала она третьей. – Пусть она станет злой и мучается от этого!

Пустила королева жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же позеленела. Позвала королева Элизу, раздела и велела ей войти в воду. Послушалась Элиза, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, третья на грудь, но Элиза даже не заметила этого, а как только вышла из воды, по воде поплыли три алых мака. А были бы жабы не ядовиты и не целованы ведьмой, превратились бы они в алые розы. Так невинна была Элиза, что колдовство оказалось против нее бессильным.

Увидала это злая королева, натерла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем черной, вымазала ей лицо вонючей мазью, разлохматила волосы. Совсем теперь было не узнать хорошенькую Элизу.

Увидел ее отец, испугался и сказал, что не его это дочь. Никто не признавал ее, кроме цепной собаки да ласточек, только кто же станет слушать бедных тварей!

Заплакала бедняжка Элиза и подумала о своих выгнанных братьях. Печальная, ушла она из дворца и целый день брела по полям и болотам к большому лесу. Куда ей идти, она и сама толком не знала, но так тяжело было у нее на сердце и так стосковалась она по своим братьям, что решила искать их, пока не найдет.

Не долго шла она по лесу, как уж ночь настала. Совсем сбилась с пути Элиза, прилегла на мягкий мох и склонила голову на пень. Тихо было в лесу, воздух был такой теплый, вокруг зелеными огоньками мерцали сотни светлячков, и когда она тихонько тронула ветку, они посыпались на нее звездным дождем.

Всю ночь снились Элизе братья. Все они опять были детьми, играли вместе, писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали чудесную книжку с картинками, за которую было отдано полкоролевства. Но писали они на досках не черточки и нолики, как прежде, нет, они описывали все, что видели и пережили. Все картинки в книжке ожили, птицы пели, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и ее братьями, но когда она переворачивала страницу, они впрыгивали обратно, чтоб не получалось путаницы в картинках.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко. Она не могла хорошо видеть его за густой листвой деревьев, но лучи его реяли в вышине, словно колеблющаяся золотая кисея. Пахло травой, а птицы чуть не садились Элизе на плечи. Слышался плеск воды – поблизости бежало несколько больших ручьёв, вливавшихся в пруд с чудесным песчаным дном. Пруд был окружен густыми кустами, но в одном месте дикие олени проделали большой проход, и Элиза могла спуститься к воде, такой прозрачной, что, если бы ветер не колыхал ветви деревьев и кустов, можно было бы подумать, что они нарисованы на дне, так ясно отражался в воде каждый листочек, и освещенный солнцем, и укрытый в тени.

Увидала в воде свое лицо Элиза и совсем перепугалась – такое оно было черное и гадкое. Но вот она зачерпнула горстью воды, обмыла лоб и глаза, и опять заблестела ее белая неясная кожа. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладную воду. Краше принцессе поискать было по всему свету!

Оделась Элиза, заплела в косы свои длинные волосы и пошла к роднику, напилась из пригоршни и побрела дальше в лес, сама не зная куда. По пути ей попала дикая яблоня, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Поела Элиза яблочек, подперла ветви колышками и углубилась в самую чащу леса. Тишина стояла такая, что Элиза слышала собственные шаги и шуршание каждого сухого листка, на который ступала. Здесь не было видно ни одной птицы, ни один солнечный луч не пробивался сквозь сплошное сплетение ветвей. Высокие деревья стояли так плотно, что, когда она смотрела перед собой, казалось ей, что ее окружают бревенчатые стены. Никогда еще Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало еще темнее, ни единого светлячка не светилось во мху. Печальная, улеглась Элиза на траву, а рано утром отправилась дальше. Тут встретила ее старушка с корзинкой ягод. Старушка дала Элизе горстку ягод, а Элиза спросила, не проезжали ли тут по лесу одиннадцать принцев.

– Нет, – отвечала старушка. – Но вот одиннадцать лебедей в коронах видела, они плавали на реке тут неподалеку.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала речка. Деревья, росшие по ее берегам, тянули друг к другу длинные, покрытые густой листвой ветви, и там, где они не могли дотянуться друг до друга, их корни выпирали из земли и, сплетаясь с ветвями, свисали над водой.

Элиза простилась со старушкой и пошла вдоль речки к тому месту, где речка впадала в большое море.

И вот перед девушкой открылось чудесное море. Но ни единого паруса не виделось на нем, ни единой лодки. Как асе ей было продолжать свой путь? Весь берег был усыпан бесчисленными камешками, вода обкатала их, и они были совсем круглые. Стекло, железо, камни – все, что выбросило волнами на берег, получило свою форму от воды, а ведь вода была куда мягче нежных рук Элизы.

"Волны неумоимо катятся одна за другой и сглаживают все твердое, буду и я неумоимой! Спасибо вам за науку, светлые, быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда–нибудь вы отнесете меня к моим милым братьям!"

На выброшенных морем водорослях лежало одиннадцать белых лебединых перьев, и Элиза собрала их в пучок. На них блестили капли – росы или слез, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не замечала этого: море вечно менялось, и за несколько часов тут можно было увидеть больше, чем за целый год на пресноводных озерах на суше. Вот двигается большая черная туча, и море как будто говорит: "Я тоже могу выглядеть мрачным", – и налетает ветер, и волны показываются своей белой изнанкой. А вот облака отвечивают розовым, ветер спит, и море похоже на лепесток розы. Иной раз оно зеленое, иной раз белое, но как бы спокойно оно ни было, у берега оно постоянно в тихом движении. Вода легонько вздымается, словно грудь спящего ребенка.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

На закате увидала Элиза одиннадцать диких лебедей в золотых коронах. Они летели к суше, следуя один за другим, и похоже было, что в небе колышется длинная белая лента. Элиза взобралась на верх береговой кручи и спряталась за куст. Лебеди спустились неподалеку и захлопали своими большими белыми крыльями.

И вот как только солнце село в море, сбросили лебеди перья и превратились в одиннадцать прекрасных принцев – братьев Элизы, громко вскрикнула Элиза, сразу узнала их, сердцем почуяла, что это они, хотя братья сильно изменились. Она бросилась к ним в объятия, называла их по именам, и как же они обрадовались, увидав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела! И смеялись и плакали Элиза и ее братья и скоро узнали друг от друга, как жестоко обошлась с ними мачеха.

– Мы, – сказал самый старший из братьев, – летаем дикими лебедями, пока солнце стоит на небе. А когда оно заходит, опять принимаем человеческий образ. Вот почему к заходу солнца мы всегда должны быть на суше. Случись нам превратиться в людей, когда мы летим под облаками, мы упадем в пучину. Живем мы не здесь. За морем лежит такая же чудесная страна, как эта, но путь туда далек, приходится лететь через все море, а по пути нет ни единого острова, где можно было бы переночевать. Только на самой середине из моря торчит одинокий утес, и мы можем отдохнуть на нем, тесно прижавшись друг к другу, вот какой он маленький. Когда море волнуется, брызги так и летят прямо через нас, но мы рады и такому пристанищу. Там ночуем мы в нашем человеческом обличье. Не будь утеса, нам бы и вовсе не видать нашей милой родины: два самых длинных дня в году нам надо для этого перелета, и только раз в году дозволено нам прилетать на родину. Мы можем жить здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, смотреть на дворец, где мы родились и где живет наш отец. Тут нам знаком каждый куст, каждое дерево, тут, как в дни нашего детства, бегают по равнинам дикие лошади, а угольщики поют те же песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда стремимся мы всей душой, и здесь–то мы и нашли тебя, дорогая наша сестрица! Два дня еще можем мы пробыть здесь, а затем должны лететь за море в чудесную, но не родную нам страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки!

– Ах, если б я могла снять с вас заклятье! – сказала сестра.

Так проговорили они всю ночь и задремали лишь на несколько часов.

Проснулась Элиза от шума лебединых крыльев. Братья вновь обратились в птиц, они кружили над ней, а потом скрылись из виду. Только один из лебедей, самый младший, остался с ней. Он положил голову ей на колени, и она гладила его белые крылья. Весь день провели они вместе, а к вечеру прилетели остальные, и, когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

– Завтра мы должны улететь и сможем вернуться не раньше чем через год. Хватит у тебя мужества лететь с нами? Я один могу пронести тебя на руках через весь лес, так неужто мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

– Да, возьмите меня с собой! – сказала Элиза.

...Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Большая и прочная вышла сетка. Элиза легла в нее, и чуть взошло солнце, братья обратились в лебедей, подхватили сетку клювами и взвились с милой, еще спавшей сестрицей под облака. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, и один лебедь летел над ее головой, прикрывая ее от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было лететь по воздуху. Рядом с ней лежала ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев. Их набрал самый младший из братьев, и Элиза улыбнулась ему – она догадалась, что это он летит над ней и прикрывает ее от солнца своими крыльями.

Высоко–высоко летели лебеди, так что первый корабль, который они увидели, показался им плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако – настоящая гора! – и на нем Элиза увидела гигантские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Никогда раньше не видела она такого великолепного зрелища. Но все выше поднималось солнце, все дальше позади оставалось облако, и мало–помалу движущиеся тени исчезли.

Целый день летели лебеди, словно пущенная из лука стрела, но все же медленнее обычного, ведь на этот раз им приходилось нести сестру. Близился вечер, собиралась буря. Со страхом следила Элиза за тем, как заходит солнце, – одинокого морского утеса все еще не было видно. И еще ей казалось, что лебеди машут крыльями как будто бы через силу. Ах, это она виновата, что они не могут лететь быстрее! Вот зайдет солнце, и они обратятся в людей, упадут в море и утонут...

Черная туча надвигалась все ближе, сильные порывы ветра предвещали бурю. Облака собрались в грозный свинцовый вал, катившийся по небу. Молнии сверкали одна за другой.

Солнце уже коснулось воды, сердце Элизы затрепетало. Лебеди вдруг начали снижаться, да так стремительно, что Элизе показалось, будто они падают. Но нет, они продолжали лететь. Вот солнце наполовину скрылось под водой, и тут только Элиза увидела под собою утес не больше головы тюленя, высунувшегося из воды. Солнце быстро погружалось в море и казалось теперь не больше звезды. Но вот лебеди ступили на камень, и солнце погасло, словно последняя искра догорающей бумаги. Братья стояли рука об руку вокруг Элизы, и все они едва умещались на утесе. Волны с силой ударили в него и обдавали их брызгами. Небо не переставая озарялось молниями, каждую минуту гремел гром, но сестра и братья, взявшись за руки, находили друг в друге мужество и утешение.

На рассвете опять стало ясно и тихо. Как только взошло солнце, лебеди с Элизой полетели дальше. Море еще волновалось, и с высоты было видно, как плывет по темно–зеленой воде, точно несметные голубиные стаи, белая пена.

Но вот солнце поднялось выше, и Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе горную страну с глыбами сверкающего льда на скалах, а прямо посередине высился замок, растянувшийся, наверное, на целую милю, с какими–то удивительными галереями одна над другой. Внизу под ним колыхались пальмовые рощи и роскошные цветы величиной с мельничные колеса. Элиза спросила, не та ли это страна, куда они держат путь, но лебеди только покачали головами: это был всего лишь чудесный, вечно меняющийся очертания облачный замок Фата–Морганы.

Элиза все смотрела и смотрела на него, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе и образовали двадцать величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Церкви совсем было приблизились, как вдруг превратились в целую флотилию кораблей. Элиза взгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, поднимающийся над водой. Да, перед глазами у нее были вечно сменяющиеся образы и картины!

Но вот показалась и суша, к которой они держали путь. Там высились чудесные горы с кедровыми лесами, городами и замками. И уже задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, словно обвешанной расшитыми зелеными коврами, так обросла она нежно–нежными выющими растениями.

– Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! – молвил младший из братьев и указал сестре ее спальню.

– Ах, если бы мне открылось во сне, как снять с вас заклятье! – отвечала она, и эта мысль не выходила у нее из головы.

И вот пригрезилось ей, будто она летит высоко–высоко по воздуху к замку Фата–Морганы и фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на старушку, которая дала Элизе ягод в лесу и рассказала о лебедях в золотых коронах.

"Твоих братьев можно спасти, – сказала она. – Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих рук и все–таки окатывает камни, но она не чувствует боли, которую будут чувствовать твои пальцы. У воды нет сердца, которое стало бы изнывать от муки и страха, как твое. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растет здесь возле пещеры, и только она, да еще та, что растет на кладбищах, может помочь тебе. Заметь же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов. Потом разомнешь ее ногами, получится волокно. Из него ты сплетишь одиннадцать рубашек–панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей. Тогда колдовство развеется. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь работу, и до тех пор, пока не окончишь, пусть даже она растянется на годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, как смертоносный кинжал пронзит сердца твоих братьев. Их жизнь и смерть будут в твоих руках. Запомни все это!"

И фея коснулась ее руки крапивой. Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Уже рассвело, и рядом с нею лежала крапива, точь–в–точь как та, что она видела во сне. Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ее покрывались волдырями, но она с радостью терпела боль – только бы спасти милых братьев! Босыми ногами она разминала крапиву и пряла зеленые нити.

Но вот зашло солнце, вернулись братья, и как же они испугались, увидя, что сестра их стала немой! Это не иначе, как новое колдовство злой мачехи, решили они. Но взглянули братья на ее руки и поняли, что она задумала ради их спасения. Заплакал младший из братьев, и там, куда падали его слезы, боль утихала, жгучие волдыри исчезали.

Всю ночь провела за работой Элиза, ведь не было ей покоя, пока не освободит она милых братьев. И весь следующий день, пока лебеди были в отлучке, просидела она одна–одинешенька, но никогда еще время не бежало для нее так быстро.

Одна рубашка–панцирь была готова, и она принялась за другую, как вдруг в горах затрубили охотничьи рога. Испугалась Элиза. А звуки все приближались, раздался лай собак. Убежала в пещеру Элиза, связала в пучок собранную ею крапиву и села на него.

Тут из–за кустов выскочила большая собака, за ней другая, третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперед у входа в пещеру. Не прошло и нескольких минут, как у пещеры собрались все охотники. Самый красивый среди них был король той страны. Он подошел к Элизе – и когда еще не встречал он такой красавицы.

– Как ты попала сюда, прекрасное дитя? – спросил он, но Элиза только головой покачала в ответ, ведь говорить–то ей нельзя было, от

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

этого зависела жизнь и спасение братьев.

Руки свои она спрятала под передник, чтобы король не увидел, какие муки приходится ей терпеть.

– Пойдем со мной! – сказал он. – Здесь тебе не место! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шелк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моем великолепном дворце!

И он посадил ее на своего коня. Плакала и ломала руки Элиза, но король сказал:

– Я хочу только твоего счастья! Когда-нибудь ты будешь благодарна мне за это!

И он повез ее через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру показалась великолепная столица короля, с храмами и куполами, и привел король Элизу в свой дворец. В высоких мраморных залах там журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но ни на что не смотрела Элиза, а только плакала и тосковала. Как неживая позволила она прислужницам надеть на себя королевские одежды, вплести в волосы жемчуга и натянуть на обожженные пальцы тонкие перчатки.

Ослепительно прекрасная стояла она в роскошном убранстве, и весь двор низко ей поклонился, а король провозгласил ее своею невестой, хотя архиепископ покачивал головой и нашептывал королю, что эта лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела всем глаза и околдовала короля.

Но король не стал его слушать, сделал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать дорогие кушанья, а сам повел Элизу через благоухающие сады в роскошные палаты. Но не было улыбки ни на губах, ни в глазах ее, а только печаль, словно было ей так на роду написано. Но вот открыл король дверь в маленькую комнатку рядом с ее спальней. Комнатка была увешана дорогими зелеными коврами и напоминала пещеру, где нашли Элизу. На полу лежала связка крапивного волокна, а под потолком висела, сплетенная Элизой рубашка-панцирь. Все это как дикуинку захватил с собой из лесу один из охотников.

– Здесь ты можешь вспоминать свое прежнее жилище! – сказал король. – Здесь и работа, которой ты занималась. Может быть, теперь, в славе твоей, воспоминания о прошлом развлекут тебя.

Увидела Элиза дорогую ее сердцу работу, и улыбка заиграла на ее губах, кровь прилила к щекам. Она подумала о спасении братьев и поцеловала королю руку, а он прижал ее к сердцу.

Архиепископ по-прежнему нашептывал королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону. С досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно. Но другой, более тяжелый обруч сдавливал ей сердце – печаль за ее братьев, и она не заметила боли. Уста ее были по-прежнему замкнуты – одно-единственное слово могло стоять братьям жизни, – но в глазах ее светилась горячая любовь к доброму, красивому королю, который делал все, чтобы порадовать ее. С каждым днем она привязывалась к нему больше и больше. Ах, если б только можно было довериться ему, поведать ему свою муку! Но она должна была молчать, должна была делать свое дело молча. Вот почему по ночам она тихонько уходила из королевской опочивальни в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой. Но когда она принялась за седьмую, у нее кончилось волокно.

Найти нужную ей крапиву, знала она, можно на кладбище, но она сама должна была рвать ее. Как же быть?

"Ах, что значит боль в пальцах по сравнению с мукой моего сердца? – думала Элиза. – Я должна решиться!"

Сердце ее сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунной ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели безобразные ведьмы и таращились на нее злыми глазами, но она набрала крапивы и вернулась обратно во дворец.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел ее – архиепископ. Только получалось, что он был прав, подозревая, что с королевой дело нечисто. И впрямь выходило, что она ведьма, потому-то и сумела околдовать короля и весь народ.

Утром он рассказал королю о том, что видел и что подозревал. Две тяжелые слезы скатились по щекам короля, и сомнение закралось в его сердце. Ночью он притворился, будто спит, но сон не шел к нему, и заметил король, как Элиза встала и скрылась из опочивальни. И так повторялось каждую ночь, и каждую ночь он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потайной комнате.

День ото дня все мрачнел и мрачнел король. Элиза видела это, но не понимала почему, и боязно ей было, и сердце ее болело за братьев. На королевский бархат и пурпур катились ее горькие слезы. Они блестели, как алмазы, и люди, видевшие ее в великолепном одеянии, желали быть на ее месте.

Но скоро, скоро конец работе! Недоставало всего лишь одной рубашки, и тут у нее опять кончилось волокно. Еще раз – последний – нужно было сходить на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Со страхом думала она о безлюдном кладбище и ужасных ведьмах" но решимость ее была непоколебима.

И Элиза пошла, но король с архиепископом пошли за ней следом. Увидели они, как она скрылась за кладбищенскими воротами, а когда подошли к воротам, увидели и ведьм на могильных плитах, и король повернул назад.

– Пусть судит ее народ! – сказал он.

И народ присудил – сжечь ее на костре.

Из роскошных королевских палат Элизу отвели в мрачное сырое подземелье с решеткой на окне, в которое со свистом задувал ветер. Вместо бархата и шелка ей дали под голову связку набранной ею на кладбище крапивы, а жесткие, жгучие рубашки-панцири должны были служить ей ложем и одеялом. Но лучшего подарка ей и не надо было, и она вновь принялась за работу. Уличные мальчишки пели ей за окном глумливые песни, и ни одна живая душа не нашла для нее слова утешения.

Но под вечер у решетки раздался шум лебединых крыльев – это отыскал сестру младший из братьев, и она заплакала от радости, хотя и знала, что жить ей осталось, быть может, всего одну ночь. Зато работа ее была почти закончена и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Чтобы хоть немножко помочь ей, мыши, бегавшие по подземелью, приносили к ее ногам стебли крапивы, а у решетки окна сел дрозд и всю ночь подбодрял ее своей веселой песней.

Еще только начинался рассвет, и солнце должно было показаться лишь через час, а к воротам дворца уже явились одиннадцать братьев и потребовали, чтобы их пропустили к королю. Им отвечали, что это никак невозможно: король спит, и его нельзя будить. Братья продолжали просить, потом стали угрожать, явилась стража, а потом вышел и сам король узнать, в чем дело. Но тут взошло солнце, и братья исчезли, а над дворцом взлетели одиннадцать лебедей.

Народ валом валил за город смотреть, как будут сжигать ведьму. Жалкая кляча тащила повозку, в которой сидела Элиза. На нее накинули балахон из грубой мешковины. Ее чудные, дивные волосы спадали на плечи, в лице не было ни кровинки, губы беззвучно шевелились, а пальцы плели зеленую пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук свою работу. У ее ног лежали десять рубашек-панцирей, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

– Посмотрите на ведьму! Ишь, шамкает губами да все никак не расстанется со своими колдовскими штуками! Вырвать их у нее да порвать в клочья!

И толпа бросилась к ней и хотела разорвать крапивные рубашки, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели вокруг нее по краям повозки и захлопали могучими крыльями. Толпа отхлынула.

– Это знамение небесное! Она невинна! – шептали многие, но сказать это вслух не решались.

Вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей крапивные рубашки, и все они превратились в прекрасных принцев, только у самого младшего вместо одной руки так и осталось крыло: не успела Элиза закончить последнюю рубашку, недоставало в ней одного рукава.

– Теперь я могу говорить! – сказала она. – Я невинна!

И народ, видевший все, преклонился перед ней, а она без чувств упала в объятия братьев, так измучена была она страхом и болью.

– Да, она невинна! – молвил старший из братьев и рассказал все, как было, и, пока он говорил, в воздухе разлился аромат, как от миллиона роз, – это каждое полено в костре пустило корни и ветви, и вот уже на месте костра стоял благоухающий куст, весь в алых розах. А на самом верху сиял, словно звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его и положил Элизе на грудь, и она очнулась, и в сердце ее были покой и счастье.

Тут сами собой зазвонили в городе все колокола, и слетелись несметными стаями птицы, и к дворцу потянулось такое радостное шествие, какого еще не видывал ни один король!

Другие сказки Андерсена